

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА.

1825—1840 гг.

I.

II.

III.

IV.

Въ сентябрѣ нась съ братомъ повезли въ Шлиссельбургъ: тамъ мы пробыли до сентября 1827 года въ заведеніи, подобномъ Алексѣвскому равелину, ухудшенному отдаленностью отъ столицы и 30-лѣтнимъ управлениемъ генералъ-майора Плутанова, обратившаго наконецъ это заведеніе въ родъ аренды для себя и своихъ тюремщиковъ на счетъ желудковъ несчастныхъ затворниковъ, получавшихъ едва гривну мѣдью на дневной харчъ, когда положено было выдавать по 50 коп. ассигнаціями. Этотъ Плутановъ въ свое 30-лѣтнее управлениѣ до такой степени одержимъ къ страданіямъ затворниковъ, что со своими затверженными фразами состраданія походилъ скорѣе на автомата, чѣмъ на человѣка сотворенного Богомъ. Когда я его просилъ купить на остальныя мои деньги какихъ-либо книги, онъ мнѣ отказалъ, ссылаясь на строгое запрещеніе. Я просилъ его купить по крайней мѣрѣ французскую, итальянскую и латинскую библіи. Онъ все обѣщалъ, подарилъ мнѣ собственную французскую библію въ знакъ памяти и умеръ, не приславъ ее, хотя я всякий день напоминалъ ему черезъ тюремщиковъ и каждую недѣлю лично ему, когда онъ являлся съ пошлыми утѣшеніями. Съ братомъ Николаемъ онъ гдѣ-то въ Петербургѣ познакомился, и когда Плутановъ сталъ его приглашать къ себѣ въ Шлиссельбургъ, то братъ, смѣючись, отвѣчалъ, что «непремѣнно при-

«деть, а если вздумаетъ не приѣхать, то привезутъ». Этотъ на-
мѣкъ, пропущенный имъ безъ вниманія, Плутановъ припомнилъ
при нашемъ ему представлениі.

Я былъ помѣщенъ въ маленькую комнатку въ 4 квадрат-
ныхъ шага; изъ этого надо вычесть печь, выступавшую въ ком-
нату, мѣсто для кровати, стола и табурета. Эта была та самая
комната, гдѣ содержался въ желѣзной клѣткѣ Иванъ А. Ульрихъ,
гдѣ и былъ убитъ при замыслахъ Мировича. Комната стояла
отдѣльно, не въ ряду съ другими номерами, гдѣ помѣщались
брать Николай, Иванъ Пущинъ, Пестовъ, Дивовъ и другіе: тѣ
комнаты были просторны и свѣтлы и имѣли ту выгоду, что бу-
дучи расположены рядомъ по одному фасу зданія, доставляли за-
ключеннымъ возможность сообщаться посредствомъ мною изобрѣ-
тенней азбуки, а лѣтомъ, при растворенныхъ окнахъ, даже разго-
варивать въ общей бесѣдѣ. Когда Плутановъ умеръ у ногъ импе-
ратора Николая Павловича пораженный апоплексическимъ уда-
ромъ при подачѣ еженедѣльного рапорта, назначенъ былъ ге-
нераль Фритбергъ для исправленія всѣхъ упущеній, вкравшихся
въ 30-ти лѣтнен управлениѣ прежнаго коменданта. Мы вздохнули
свободнѣе. Онъ далъ намъ все по положенію: халаты, бѣлье,
тюфяки, постельное бѣлье, и устроилъ общее приготовленіе пищи,
что дало намъ возможность имѣть табакъ и даже чай. Комнаты
начали поправлять и бѣлить. Меня временно перевели въ одну
изъ комнатъ общаго фаса, просторную, свѣтлую и чистую. По-
года стояла теплая, окно было открыто. Я подошелъ къ нему и
опенѣлъ отъ восторга, услышавъ въ едва слышимыхъ постуки-
ваніяхъ, подобныхъ скрипу червячка, точащаго дерево,—услы-
шивъ вопросъ, (какъ я узналъ послѣ), Пущина, который спра-
шивалъ Пестова: «узнай, кто новый гость въ твоемъ сосѣдствѣ?». Не
помня себя, позабывъ обычную осторожность, я бросился
къ окну, началъ стучать, и тѣмъ чуть неиспортилъ дѣла. Меня
вовремя остановили, и я, узнавъ всѣ законы ихъ воздушной кор-
респонденціи, часто разговаривалъ даже съ братомъ Николаемъ,
сидѣвшимъ въ самомъ крайнемъ номерѣ, такъ что между нами
находилось шесть комнатъ.

V.

Около половины сентября 1827 г., нась четверыхъ: Барятинскаго Горбачевскаго, меня и брата свели вмѣстѣ, заковали въ ножныя жѣлѣза и съ фельдѣгерьемъ отправили въ Сибирь.

Радость наша, когда мы увидѣли свѣтъ Божій и. могли свободно говорить, была такъ велика, что мы превратились въ ребята: мы болтали безъ умолку, обнимались, смеялись и готовы были дѣлать разныя глупости. Это состояніе духа не оставляло долго нась въ дорогѣ, такъ что тѣ, кто насъ видѣлъ, почитали сумасшедшими, и это мнимое наше несчастье было передано нашимъ товарищамъ, щахавшимъ вслѣдъ за нами.

Фельдѣгерь, везшій нась (Черновъ), было существо гнусное, который изъ корыстолюбія, чтобы не отдавать прогоновъ, гдѣ ихъ у него требовали, или гдѣ онъ подозрѣвалъ, что ихъ потребуютъ, загонялъ лошадей, — а вы знаете, загнать курьерскихъ лошадей нелегко, и для этого онъ гналъ и въ хвостъ, и въ голову, и часто наша жизнь висѣла на волоскѣ. Припомните, что мы отправились въ самую распутьцу, по сквернѣйшей ярославской дорогѣ, мощеной бревнами, истомленные тюремною жизнью и едва держась на тряской телѣжкѣ, и притомъ закованные. Кормилъ онъ насъ однимъ молокомъ и простоквашей, нигдѣ не останавливался для отдыха, такъ что мы наконецъ потребовали отъ него, чтобы онъ намъ показалъ инструкцію, и ежели въ ней нѣть ему положительного приказанія убить насъ, то мы будемъ на него жаловаться въ первомъ городѣ. Онъ приусмирилъ, даль намъ временнай отдыихъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ изъ насъ, особенно у меня, неимѣющаго и доселѣ способности спать дорожай, начали показываться признаки бѣлой горячки. Но его кротость продолжалась не долго: снова онъ началъ неистовствовать и трижды чуть не раздробилъ насть въ дребезги.

Не дѣзжая до Тобольска, не помню, въ какомъ городкѣ, насть ожидалъ сенаторъ Куракинъ, имѣвшій, по его словамъ, приятное порученіе узнать о нашихъ нуждахъ, не имѣемъ ли жалобъ, не желаемъ ли о чёмъ просить его. Когда мы объявили, что ни въ чёмъ не нуждаемся, ни на кого не жалуемся, ничего не хотимъ просить у него, — я объявилъ просто, безъ

всякой просьбы, что кузнецъ въ Шлиссельбургѣ второпяхъ за-
ковалъ мои ноги въ перевёртъ, что желѣза растерли мнѣ ноги
и я не могу ходить.

— Чего же вы хотите? спросилъ онъ съ удивлениемъ.

— Какъ чего, ваше сиятельство? чтобы вы приказали меня
заковать, какъ слѣдуетъ: это долженъ бы сдѣлать нашъ фельд-
егерь, но онъ не хотѣлъ.

— Извините: я этого сдѣлать не могу,—отвѣтилъ онъ, вѣж-
ливо кланяясь.....

Мы прискакали въ Тобольскъ въ 12-й день, грязные, разбита-
ые и едва не убитые на Суксунскомъ спускѣ въ Томской гу-
берніи. Нашъ фельдъегерь, по обычаю, саблею на-голо до того
избилъ ефесомъ ямщика, что когда лошади подскакали къ спуску
въ 1½, слишкомъ версты, и онъ, въ ужасѣ ухватившись за ям-
щика, закричалъ: «держи! ямщикъ, бросивъ ему возжи, отвѣтилъ:
«Ну, баринъ, ваше благородіе, теперь держи самъ!» Фельдъегерь
схватилъ возжи, направилъ коней на первую къ нему повозку
Барятинского, спускающуюся шагомъ. Брать Николай, сидѣвшій
съ нимъ, тщетно кричалъ ему, что онъ всѣхъ погубить: фельдъ-
егерь, какъ утопающій, хватался за соломенку. Вся тройка буквально
вскочила въ телѣжку Барятинского, который едва успѣлъ
броситься на свою коренную и тѣмъ едва спасся отъ неминуе-
мой смерти. Вся масса шести сдѣшившихся коней, бѣясь и об-
рывая упряжь, спускалась тучею на телѣгу Горбачевскаго, кони
котораго въ испугѣ шарахнулись, понесли подъ гору, и задѣвъ
за мою телѣгу, опрокинули ее. Я, падая, повисъ своими же-
лезами на задней оси, а кони, испуганные паденiemъ телѣги, по-
несли въ свою очередь и повлекли меня какъ Гектора за ко-
лесницей Ахиллеса. Спасеніемъ отъ неминуемой смерти я обя-
занъ былъ только тѣмъ, что упавшій ямщикъ, переломивъ пра-
вую руку въ двухъ мѣстахъ, не могъ уже ее высвободить отъ
запутавшихся около нея возжей и, тащась подъ колесомъ, за-
тянулъ лѣвую возжу коренной такъ сильно, что, притянувъ ея
голову къ самой оглоблѣ, принудилъ ее заворотить поперегъ
дороги и упереться въ скалу, гдѣ пролегала дорога. Изнемогая
отъ боли, я не могъ шевельнуться, а между тѣмъ съ ужасомъ
видѣлъ, какъ масса сдѣшившихся лошадей повозокъ брата Ни-
колая и Барятинского катится на меня. И эта масса точно на-

меня надвинулась: поперегь дороги стоявшая моя повозка ихъ остановила, и взбѣшенные кони неистово били надо мною. Три раза острые шипы подковъ коренной задѣвали мою голову, но только одинъ разъ пробили черепъ: два удара я получилъ вскользь и только сорвало кожу. Брать Николай бросился и, съ опасностю быть смятымъ въ свою очередь, кое-какъ меня вытащилъ изъ-подъ коней лошадей. Повозка же Горбачевскаго мчалась съ такою быстротою, что на поворотѣ, встрѣтивъ возъ съ себѣномъ, быстро повернувъ, выбросила далеко въ сторону — его, двухъ сидѣвшихъ съ нимъ жандармовъ и ямщика. Горбачевскій страшно разбилъ все лицо, ямщикъ переломилъ руку и одинъ изъ двухъ жандармовъ, переломивъ крестецъ, умеръ на дорогѣ. Пѣнкомъ, изломанные и окровавленные, мы кое-какъ добрались до деревни, гдѣ, благодаря брату Николаю, уцѣльвшему въ этой катастрофѣ, всѣ раненые получили первую помощь, какую возможно было получить при содѣйствіи сострадательныхъ поселеній. Нашъ фельдъегерь, подъ вліяніемъ недавняго ужаса, поклялся намъ передъ образомъ, что будетъ смиренѣе — и точно, сдержалъ свое слово... цѣлые два дня, — а потомъ началось повтореніе тѣхъ же сценъ. По приѣздѣ въ Тобольскъ, когда онъ провѣдалъ, что губернаторъ лично опрашиваетъ проѣзжающихъ государственныхъ преступниковъ: не имѣютъ ли они претензій? — этотъ презрѣнныи опричникъ не постыдился на колѣнахъ выпрашивать нашего прощенія — и мы простили ему.

Въ Тобольскѣ, какъ въ мирной пристани, мы надѣялись хоть отдохнуть отъ мучительной дороги, а главное, надѣялись сходить въ баню, чтобы перемѣнить грязное бѣлье, которое мы не имѣли времени перемѣнить дорогої, а нижнее — не имѣя возможности по причинѣ наглухо заклепанныхъ желѣзъ. Намъ вышло милостивое разрѣшеніе. Мы собрались — и вдругъ, неожиданно, настъ посадили на телѣжки и отирали дальше. Наши блестящія мечты разсыпались прахомъ. По прежнему, грязные, измощденные, мы отправились въ безвонечную даль, и даже мнѣ, умолившему, чтобы по крайней мѣрѣ меня перековали, отказали въ просьбѣ и обрекли на нестерпимыя мученія. Чѣдѣ же было причиною такого неожиданно-скораго отправленія? — прибытіе слѣдующей партии нашихъ товарищѣй въ Тобольскъ и страхъ, чтобы слѣдующая за нами партия настъ не опередила!!! О, бюрократическая

Россия! тебя готовы загнать, погубить чиновники, только бы не нарушить нумерацию: 1, 2, 3, 4 и такъ далъе...

До Иркутска былъ назначены въ наши провожатые квартальный офицеръ Орель и два жандарма, уѣхавшие отъ роковой катастрофы. Этотъ Орель былъ мокрая курица, человѣкъ добрый и лѣнивый, личность совершенно противоположная фельдегерю Чернову. Мыѣхали, какъ хотѣли мы; останавливались тамъ, гдѣ мы хотѣли и сколько хотѣли. Въ этотъ перѣездъ мы нѣсколько отдохнули и поправились здоровьемъ. По прибытии, наскъ помѣстили въ острогъ, обширное каменное зданіе. Губернаторъ Цейлеръ, человѣкъ благородный, наскъ посѣтилъ и постарался не словомъ, а дѣломъ исполнить всѣ наши просьбы. Насъ расковали, сводили въ баню и доставили случай даже прочитать нѣкоторыя газеты. Послѣ претерпѣнныхъ лишеній это было истинное наслажденіе, которое онъ, по своей добротѣ, доставилъ намъ съ братомъ Николаемъ, я никогда не забуду. Ввечеру, въ послѣдній день предъ нашимъ отѣвлѣніемъ изъ Иркутска, онъ пришелъ къ намъ и объявилъ по секрету, что брата Александра привезли и что онъ дозволяетъ эту послѣднюю ночь провести вмѣстѣ съ нимъ. О, какая ночь! Мы увидѣли его съ Матвѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ. Ихъ везли изъ Шлиссельбурга, куда помѣстили временно до собранія полной партии. Брать описывалъ намъ свою жизнь въ крѣпости Фортславѣ. Ему было не худо потому только, что тамъ не было такого богоугоднаго заведенія, въ родѣ Алексѣевскаго равелина или Шлиссельбурга, почему они всѣ могли быть вмѣстѣ и дѣлить горе вмѣстѣ. О Шлиссельбургѣ онъ воспоминаль съ ужасомъ, прошедшіи тамъ только два дня, и когда мы ему рассказали всѣ ужасы нашего положенія, то онъ, перекрестившись, сказалъ: «Благодарю тебя, Создатель, что ты меня избавилъ отъ этого: я бы съ своимъ характеромъ непремѣнно сошолъ съ ума». Передъ разсвѣтомъ мы прошлились. Онъ выпросилъ у меня на память нѣмецкую библію, а мнѣ далъ «Рагнаро italiano». Прощальный поцалуй былъ послѣднимъ въ этомъ мірѣ.

Былъ декабрь 1827 г. Ангара катила страшную шугу. Сообщеніе черезъ Байкалъ было невозможно, и наскъ отправили въ Читу кругоморскую дорогою, верхомъ. Провожатымъ нашимъ былъ квартальный офицеръ Петровъ, прекурьерское существо. Это была

олицетворенная доброта въ рамкѣ непроходимой глупости. Ежели прибавить, что эту рамку обивалъ хмѣль въ самыхъ затѣйливыхъ узорахъ,— вы будете имѣть схожій портретъ съ оригиналомъ. Многое намъ было съ нимъ и смѣху и горя.

VI.

Наканунѣ 14 декабря 1827 г. мы прибыли въ Читу. Насъ помѣстили въ небольшой домикъ, отдельно стоящій отъ главнаго казармата. Этотъ домикъ съ другимъ, далеко отъ него отстоящимъ, который назывался «Дьячковскимъ казармамъ», оба служили какъ бы лазаретомъ, и куда удалялись изъ большого казармата, чтобы уединиться и нѣсколько отдохнуть отъ шума и гаму, вѣчно царствующаго въ общемъ казарматѣ. Въ немъ мы нашли Волконскаго, Вадковскаго, Вольфа, Абрамова и другихъ, и здѣсь же свидѣлись съ К. П. Торсономъ, нашимъ другомъ. Онъ познакомилъ насъ (т.-е. меня съ братомъ) съ тюремными законами, образомъ жизни, съ отличительными лицами заключенныхъ, а главное съ ихъ замыслами, и такимъ образомъ приготовилъ насъ къ принятию крещенія и принятию на рамена свои креста. Команданта, генераль-маюра Лепарскаго въ Читѣ не было: онъѣздилъ въ Нерчинскіе заводы производить слѣдствіе и разстрѣливать Сухинина (члена тайного южнаго общества) и его сообщниковъ по дѣлу затѣяннаго бунта. За его отсутствіемъ временно управлялъ поручикъ Розенбергъ и капитанъ инвалидной роты, настъ караулившей, П. И. Степановъ.

Выборъ въ тюремщики человѣка, по мнѣнію начальства, надежнаго и который буквально всегда исполнить его волю, — этотъ выборъ, говорю я, оправдался въ лицѣ Лепарскаго. Онъ былъ известенъ потому только, что когда-то въ польскую войну съумѣлъ огромную партію конфедератовъ, его соотчичей, довести до мѣста заключенія подъ весьма малымъ конвоемъ. Это обстоятельство дало ему большую цѣну въ глазахъ начальства. Подъ генеральской звѣздою билось благородное сердце. Этому обстоятельству мы обязаны, что остались живы и выиграли, приобрѣти добра, умнаго, снисходительнаго тюремщика, а что еще важнѣе — законника, съумѣвшаго въ продолженіи всего своего долгаго управления помирить букву закона, т.-е. строгой инструкціи съ обязанностью честнаго и добра человѣка. Вамъ вѣроятно ка-

жется страннымъ: для чего лицамъ, осужденнымъ по законамъ въ каторжную работу, съдовательно, долженствующимъ быть разосланнымъ по заводамъ, — этимъ лицамъ строять казематы, назначаютъ коменданта, его огромный штатъ, канцелярии и проч. Опасались общаго бунта всей Восточной Сибири.

Когда генералъ-губернаторъ Лавинскій былъ въ Петербургѣ,—а это было какъ разъ по окончаніи нашего дѣла,—то государь спросилъ его, ручается ли онъ за безопасность края, когда нась размѣстятъ по заводамъ?

«Я не могу ручаться, ваше величество, — отвѣчалъ Лавинскій, — когда каждый заводъ разъединенъ отъ другихъ и каждый имѣть отдельное управление».

— Такъ какъ-же ты полагаешь?

«Я полагаю, ваше величество, лучше ихъ всѣхъ соединить вмѣстѣ: тогда надъ ними можно имѣть лучшіе надзоры».

Эта-то конференція и была зародышемъ мысли о заключеніи нась всѣхъ въ одну общую тюрьму. Но тутъ невидимо было перстъ Божій, внушившій Лавинскому подобный совѣтъ. Если бы мы были разосланы по заводамъ, какъ гласилъ законъ и какъ уже было поступлено съ семью изъ нашихъ товарищѣй, то не прошло бы и десяти лѣтъ, какъ мы бы всѣ навѣрно погибли, какъ Сухининъ, или пали бы морально подъ тнетомъ нуждъ и лишений, погибли бы подъ гнетомъ мукъ со стороны ближайшихъ приставниковъ нашихъ, коихъ история уже начиналась съ нашими первыми семью нерчинскими мучениками, или, наконецъ, сошли съ ума отъ скуки и мученій. Казематъ нась соединилъ вмѣстѣ, далъ намъ опору другъ въ другъ, и наконецъ, черезъ нашихъ ангеловъ-спасителей, дамъ, соединилъ нась съ тѣмъ міромъ, отъ которого навсегда мы были оторваны политическою смертью, соединилъ нась съ родными, далъ намъ охоту жить, чтобы не убивать любящихъ насъ и любимыхъ нами, наконецъ далъ намъ материальныя средства къ существованію и доставилъ моральную пищу для духовной нашей жизни. Казематъ далъ намъ политическое существованіе за предѣлами политической смерти.....

Чтобы познакомить васъ съ тѣмъ, что нась ожидало въ заводахъ, я вамъ скажу два слова о горькой участіи семи первыхъ нашихъ товарищѣй, отправленныхъ въ Нерчинскіе заводы.

Это были: Волконский, Трубецкой, Оболенский, Артамонъ Муравьевъ, Якубовичъ и двое братьевъ Борисовыхъ.

Бурнашевъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, истый заплечный мастеръ, назначилъ ихъ въ ближайшій заводъ отъ своей резиденціи съ повелѣніемъ: содержать ихъ наистрожайшимъ образомъ. Подчиненные знали своего Владыку и постарались угодить ему. Всѣхъ семерыхъ зашерли въ темную, грязную, вонючую конуру, где они не только не могли двигаться, но даже должны были спать въ три яруса отъ недостатка помѣщенія. Постоянные жильцы всѣхъ тюремъ въ нашей матушкѣ-Россіи, это три рода насѣкомыхъ, питающихся кровью и плотью несчастныхъ заключенныхъ, буквально покрывали ихъ съ головы до ногъ, мучили ихъ днемъ и ночью, лишали сна, лишали силъ, необходимыхъ для тяжелой работы въ глубокихъ рудникахъ, такъ что они, промысливъ скрипидару, натирали имъ все тѣло, и несмотря на то, что ихъ тѣло горѣло какъ въ огнѣ, что ихъ кожа сходила лоскутками, голодные тунеядцы не оставляли своихъ жертвъ. О ихъ пищѣ, о ихъ жизни, о грубомъ, унизительномъ обращеніи съ ними—я уже не говорю: вы должны отгадать, что все было въ совершенной гармоніи.

Въ заключеніе приведу только сѣтованіе этого заплечного мастера Бурнашева: «Чортъ побери! повторялъ онъ: какая глупая инструкція даютъ нашему брату: содержать строго и беречь ихъ здоровье! Безъ этого смѣшного прибавленія я бы выполнилъ, какъ должно, инструкцію, и въ полгода вывелъ бы ихъ всѣхъ въ расходъ!»

Лепарский, обѣзжая заводы, чтобы выбрать мѣстность для постройки главнаго казамата, былъ ихъ ангеломъ-избавителемъ: онъ ихъ присоединилъ къ читинскимъ собратамъ, и они прибыли туда за нѣсколько недѣль передъ нашимъ приѣздомъ.

Еще до прибытія Лепарского, горное вѣдомство, вѣроятно по указанію Бурнашева, выбрало уже эту мѣстность въ Акадуевскомъ заводѣ — и начались постройки; но комендантъ не согласился строить казаматъ въ такомъ страшномъ и нездоровомъ мѣстѣ. Это была глубокая яма, окруженная со всѣхъ сторонъ горами. Тамъ только достроили небольшое помѣщеніе, где умеръ впослѣдствіи Лунинъ за письмо къ сестрѣ и окончательно за брошюру на англійскомъ языкѣ, напечатанную заграницей. Ле-

парскій выбралъ Петровскій заводъ и въ выборѣ его много участвовало его добroe сердце. Мѣстоположеніе хорошее и самая позиція его на трактовыхъ путахъ уже много сдѣлала для нась пользы. Жаль, что онъ, осматривая мѣстность съ горы, гдѣ по томъ просилъ похоронить себя, обманулся привлекательною зеленою лугомъ: тутъ велѣлъ строить,—а этотъ предательскій лугъ оказался—болотомъ.

Черезъ нѣсколько дній нась перевели въ большой казаматъ, а вскорѣ собрались изъ разныхъ крѣпостей, гдѣ мы всѣ содер жались въ ожиданіи помѣщенія въ Читѣ, всѣ назначенные сен тенцію въ каторжную работу. Вамъ, можетъ быть, будетъ ин тересно узнать списокъ всѣхъ осужденныхъ, изъ коихъ помѣщенныхъ въ казаматѣ я отмѣчу крестикомъ.

Сѣверного общества:

1) Рылеевъ.	31) Бѣляевъ 1-й. †
2) Кн. Трубецкой. †	32) Бѣляевъ 2-й. †
3) Кн. Оболенскій. †	33) Дивовъ.
4) Ник. Муравьевъ. †	34) Петръ Бестужевъ.
5) Каходской.	35) Свистуновъ. †
6) Кн. Щепинъ-Ростовскій, †	36) Анненковъ. †
7) Алекс. Бестужевъ.	37) Кривцовъ. †
8) Мих. Бестужевъ. †	38) Алекс. Муравьевъ 2-й. †
9) Пановъ. †	39) Нарышкинъ. †
10) Сутгофъ. †	40) Фонъ-деръ-Бригенъ. †
11) М. Кюхельбекеръ. †	41) Пущинъ, шонерь.
12) Арбузовъ. †	42) Бодиско 1-й.
13) Ник. Бестужевъ. †	43) Кюхельбекеръ 2-й Вильгельмъ.
14) Ив. Пущинъ. †	44) Мусинъ-Пушкинъ.
15) Кн. Одоевскій. †	45) Акуловъ.
16) Якубовичъ. †	46) Вишневскій.
17) Цебриковъ.	47) Бодиско 2-й.
18) Рѣпинъ. †	48) Горскій.
19) Алекс. Муравьевъ. †	49) Графъ Коновницынъ.
20) Якушкинъ. †	50) Оржицкій.
21) Фонъ-Визинъ. †	51) Кожевниковъ.
22) Кн. Шаховской.	52) Фохтъ.
23) Лунинъ. †	53) Лаппа.
24) Мухановъ. †	54) Назимовъ Мих. Алекс.
25) Митьковъ. †	55) Бар. Розенъ. †
26) Завалишинъ 1-й. †	56) Гѣбовъ. †
27) Батенковъ.	57) Андреевъ.
28) Бар. Штейнгель. †	58) Толстой.
29) Торсонъ. †	59) Графъ Чернышевъ. †
30) Кн. Голицынъ.	60) Чижовъ.
	61) Ник. Тургеневъ.

Южного общества:

1) Пестель.	19) Вольфъ. †
2) Серг. Муравьевъ-Апостолъ.	20) Крюковъ 2-й. †
3) Мих. Бестужевъ-Рюминъ.	21) Поджю. †
4) Матвей Ив. Муравьевъ-Апостолъ.	22) Абрамовъ. †
5) Кн. Серг. Волконский. †	23) Норовъ.
6) Давыдовъ. †	24) Янтальцевъ. †
7) Кн. Барятинский. †	25) Ивашевъ. †
8) Поджю Алекс. †	26) Басаргинъ. †
9) Артам. Муравьевъ. †	27) Корниловичъ. †
10) Повало-Швейковский. †	28) Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й. †
11) Вадковский. †	29) Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.
12) Тизенгаузенъ. †	30) Занкинъ.
13) Браницкий.	31) Абрамовъ 2-й. †
14) Крюковъ 1-й. †	32) Загорецкий. †
15) Филенбергъ. †	33) Поливановъ.
16) Лорерь. †	34) Баронъ Черкасовъ. †
17) Краснокутский.	35) Фоктъ.
18) Лихаревъ. †	36) Графъ Булгари.

Общества соединенныхъ сказокъ:

1) Борисовъ 1-й. †	12) Фурманъ.
2) Борисовъ 2-й. †	13) Веденапинъ 1-й.
3) Спиридовъ. †	14) Шимковъ. †
4) Горбачевский. †	15) Мозгинъ. †
5) Бечасновъ. †	16) Ивановъ. †
6) Пестовъ. †	17) Фроловъ. †
7) Андреевичъ. †	18) Мозалевский. †
8) Люблинский. †	19) Лисовский. †
9) Тютчевъ. †	20) Выгодовский. †
10) Громницкий. †	21) Берестень.
11) Кирьевъ. †	22) Шихаревъ.

Игельстромъ и Вигелинъ — шонерные офицеры 1-й армии, осужденные за бунтъ при присягѣ, и полякъ Рукевичъ, близкій ихъ знакомый. Онишли по канату и прибыли, когда мы еще были въ Читѣ.

Потомъ послѣ привезенные:

Баронъ Соловьевъ — послѣ смерти Сухинина изъ Нерчинска.

Завалишинъ 2-й — послѣ его каверзъ въ Нерчинскихъ заводахъ по просьбѣ старшаго брата.

Колесниковъ, Таптиковъ, Дружининъ — послѣ доноса Завалишина 2-го.

Кучевской — по какимъ-то соображеніямъ Лепарскаго. Полякъ Сосиповичъ — слѣпецъ — послѣ бунта 1830 г.

Итого восемьдесят два живыя существа, втиснутыя въ не-
большомъ деревянномъ зданіи, раздѣленномъ на четыре нерав-
ные отдѣленія, потому что во внутренности была отдѣлена до-
вольно большая часть для коридора и такъ-называемой сто-
ловой, гдѣ мы обѣдали.

Наше отдѣленіе было самое маленькое, а въ немъ все-таки
затискались 8 человѣкъ: я съ братомъ, Юшиневскій, Трубецкой,
Якубовичъ, двое Борисовыхъ и Давыдовъ. Но какъ,—Боже ты
мой,—какъ прочие могли размѣститься? Я теперь, припоминая
прошедшее, часто думаю, что это былъ какой-то безтолковый
сонъ, кошмаръ... Читать или чѣмъ бы то ни было заниматься
не было никакой возможности, особенно намъ съ братомъ или
тѣмъ, кто провелъ годину въ гробовомъ безмолвіи богоугодныхъ
зведеній: постоянный грохотъ цѣпей, топотъ снующихъ взадъ и
впередъ существъ, споры, пренія, разсказы о заключеніи, о до-
просахъ, обвиненія и объясненія,—однимъ словомъ, кипучій во-
доворотъ, клокочущій неумолчно и мечущій брызгами жизни. Да
и читать первое время было нечего: изъ малой толики тогда
существующихъ periodическихъ газетъ и журналовъ комендан-
томъ Лепарскимъ получался только «Телеграфъ» и «Инвалидъ»,
которые онъ, подъ большимъ секретомъ, давалъ намъ черезъ
довѣренныхъ офицеровъ; но и тѣ перестали сообщать послѣ
того № «Инвалида», въ которомъ помѣщено было стихотвореніе
Жуковскаго на смерть Маріи Федоровны, и гдѣ каждая строфа
кончалась извѣстнымъ повтореніемъ:

Благодаримъ, благодаримъ, — и проч.

.

Бли мы прескверно—не потому, чтобъ не имѣли способовъ
имѣть хороший столъ (т.-е. по крайней мѣрѣ съѣдочный), такъ
какъ три наши дамы: княгиня Трубецкая, княгиня Волкон-
ская и Муравьевъ, бывшая графиня Чернышева *), не щадили
ничего, что было въ ихъ силахъ и въ границахъ возможности,
но потому, что негдѣ и нѣкому было приготовлять намъ пищу.
Отъ казны кормовыхъ мы получали по 3 коп. асс. и муку—2 к.
въ день на каждого, т.-е. законное положеніе каторжниковъ.
По положенію, варить и печь мы должны были сами, а кухни

*) Елизавета Петровна Нарышкина и послѣ прибывшая т-ца Аппен-
кофф.

М. В.

еще не выстроили, и потому кушанье варилось по подряду у горного начальника Читы, Смолянинова (на дочери которого впослѣдствіи женился Ер. Завалишинъ), варилось, гдѣ и какъ ни попало не потому, что этого хотѣль, но потому, что не могъ лучше дѣлать по неимѣнію средствъ въ такой бѣдной, ничтожной деревушкѣ какъ Чита, а главное, по неимѣнію посуды и удобнаго помѣщенія. За то мы утоляли голодъ чаемъ, чего у насъ было въ изобиліи, потому что это зависѣло единственно отъ денегъ.

Въ этотъ періодъ нашего хаотического существованія, брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая въ его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ посвятилъ себя морю. Эта завѣтная мысль, преслѣдовавшая его до послѣдней минуты жизни, была—упрощеніе хронометровъ. Слѣдя за развитіемъ мореплаванія, онъ съ прискорбiemъ видѣлъ, что годъ отъ году крушеніе кораблей умножается, и главною причиной крушений была, почти всегда, нѣвѣрность опредѣленія пункта корабля въ критическій моментъ крушения отъ неимѣнія хронометра, который по дороговизнѣ былъ доступенъ только богачамъ. Онъ замыслилъ упростить его и сдѣлать всѣмъ доступнымъ. Свѣтская жизнь и служебныя обязанности отвлекали его отъ опытовъ осуществить свою идею. Теперь время было вдоволь, но недоставало средствъ. Ободренный примѣромъ Загорѣцкаго, который съ помощью одного ножика и пилочки соорудилъ стѣнныя часы изъ кострюль и картона еще до нашего прибытія, добылъ всякими неправдами тоже ножъ и маленький подпилокъ, потому что намъ запрещены были всѣ орудія, наносящія смерть, вслѣдствіе чего намъ не давали ни ножей, ни вилокъ, даже кончики щипцовъ были обломаны. Онъ началъ съ устройства токарного станка, необходимаго для устройства часовъ. Съ такими ничтожными средствами, посреди безчисленныхъ лишеній и препятствій отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, онъ сдѣлалъ часы, соотвѣтственные его идеѣ, и подарилъ ихъ *à m-me Mougravieff* въ благодарность за ея вниманіе къ его труду, въ благодарность за выписку полнаго часоваго инструмента, даже безъ его вѣдома. Комендантъ Лепарскій, сочувствуя дѣлу и ослабляя постепенно строгую инструкцію, позволилъ брату Николаю пользоваться инструментами.

VII.

Настало время нашего переселенія изъ Читы въ Петровскъ. Получены извѣстія, что полу-казарма уже почти готова; другая половина опредѣлена была подъ садъ. Мы выступили изъ Читы въ двухъ отрядахъ: первый подъ начальствомъ плацъ-майора Лепарского (племянника коменданта), второй подъ личнымъ начальствомъ самого Лепарского, 1830 года августа 7 числа, въ ненастную погоду. Мы запаслись записными книжками, карандашами и перьями для записыванія впечатлѣній—и все книги и бумаги пришли въ Петровскъ безукоризненно чистыми. Дѣлая каждый день переходъ въ 30 и болѣе верстъ пѣшкомъ, намъ оставалось едва столько времени, чтобы поѣсть, отдохнуть и, полюбовавшись природою, спѣшить поскорѣй уснуть, чтобы съ разсвѣтомъ готовиться въ новый путь. Я бы хотѣлъ, чтобы рецензенты, такъ строго судивши брата Александра, не въ наказаніе, а хотя для того, чтобы быть справедливыми въ ихъ сужденіяхъ,—хотѣлъ-бы, чтобы они сами испытали, какъ братъ Александръ, писать послѣ 40-верстнаго перехода, съ голоднымъ желудкомъ, въ дождь, на бивуакѣ, подъ буркою, какъ ему часто приводилось.

М-mes Розенъ и Юшневская обрадовали мужей своимъ прибытіемъ почти на пол-дорогѣ. Наконецъ, послѣ 46 дней, проведенныхъ въ пути, въ 21-й переходъ мы прибыли въ Петровскъ. Насъ ввели на обширный дворъ. Мы побѣжали осмотрѣть будущія наши жилища и возвратились назадъ съ грустью въ душѣ. Въ Читѣ намъ было жутко: мы жили тамъ какъ селедки въ бочонкѣ, но все-таки по-человѣчески; здѣсь насъ обрекали, какъ скотовъ, жить въ мрачныхъ стойлахъ.

Казаматъ состоялъ изъ 12-ти отдѣленій по 5 и 6 отдѣльныхъ комнатъ и общаго коридора, изъ котораго проникалъ какой-то мрачный полусвѣтъ чрезъ небольшое окно надъ дверью. Наши дамы подняли въ письмахъ такую тревогу въ Петербургъ, что наконецъ разрѣшено прорубить окна на улицу въ каждомъ номерѣ. Но какія это были окна! Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и вапъ покорнейший слуга, разстроили и чуть вовсе не потеряли зрѣніе.

Я позабыть вамъ сказать, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до отправленія въ Читу, милостивымъ манифестомъ съ нась сняли желѣза, т.-е. нась избавили отъ тѣлеснаго наказанія. . .

Манифестомъ, объявленнымъ еще при чтеніи сентенціи, вѣчная ссылка въ каторжную работу уменьшена на 20 лѣтъ; собственно простыхъ ссыльныхъ, не политическихъ, болѣе какъ на 20 лѣтъ никогда не осуждали: послѣ 20-ти лѣтней работы они поступали на поселеніе. Намъ съ братомъ особенно непосчастливились: мы помѣщены были во второй разрядъ съ головы, т.-е. на 20 лѣтъ; манифестъ въ Читѣ убавлялъ двумъ разрядамъ по 5-ти лѣтъ работы; нась (вѣроятно по ошибкѣ) произвели въ 1-й разрядъ и поставили съ конца послѣдними, т.-е. перенесли грань разрядовъ только на двѣ строки, и за это мы просидѣли вместо 10-ти — 15 тяжкихъ годовъ.

Насъ размѣстили по нумерамъ — гдѣ по одному, гдѣ по два человѣка. Эта неизбѣжная мѣра, по недостатку помѣщенія, не менѣе того была причиною нѣкотораго рода негодованія на коменданта. Всѣмъ хотѣлось имѣть особый уголокъ: таѣвъ всѣмъ надѣла казарменная общая жизнь, лишающая возможности заниматься. Всѣ осыпали коменданта упреками, иногда очень жесткими, и онъ съ обычною добротою снисходилъ вспышчивой щекотливости затворниковъ. «Grondez-moi, messieurs, faites-moi vos grimandes en fran莽ais, puisque, voyez-vous, les sentinelles peuvent entendre et faire le d茅noncement». Или иногда говорилъ: «Позвольте, мнѣ теперь нѣкогда; приходите лучше ко мнѣ: мы затворимъ двери, и тогда браните меня, сколько вамъ угодно». Добрый старикашка! мы его звали: не могу, потому что всѣ отвѣты его на просьбы начинались этой фразой, но почти всегда кончалось тѣмъ, что онъ соглашался. Но согласие онъ давалъ послѣ долгой комбинаціи (его фраза) съ инструкціей или съ законами, которые онъ расправлялъ и прилаживалъ на ложе Прокуса.

По мѣрѣ того, какъ разѣзжались наши товарищи, осужденные на меныше сроки, намъ становилось просторнѣе: всѣ бросались на занятія, соответствующія склонностямъ каждого. Строгія мѣры мало-по-малу ослабляли: тюремщики наши убѣдились, что мы ихъ бережемъ для собственной-же выгоды и смотрѣли сквозь пальцы на всѣ вольности, которыхъ росли довольно быстро,

хотя въ строгой послѣдовательности. У насъ завелись перья, чернила, бумага; книгъ уже было вдоволь, журналовъ и газетъ даже слишкомъ. Завелись литературные вечера, ученыя лекціи и диспуты. Дамамъ еще не позволено было жить въ своихъ домахъ, да и дома не у всѣхъ были выстроены, слѣдовательно, онѣ жили съ мужьями въ общемъ съ нами казаматѣ и оживляли своимъ присутствіемъ однообразіе нашей тюремной жизни. Явилась мода читать въ ихъ присутствіи, при собраніи близкаго кружка, образовавшагося около каждого женатаго семейства, литературныхъ произведеній не слишкомъ серьезнаго содержанія, и то была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, рассказовъ и мемуаровъ. Тогда были написаны тѣ повѣсти, которыхъ недавно напечатаны съ именемъ брата Николая и многія другія, уничтоженные при периодическихъ мѣрахъ строгости или при другихъ обстоятельствахъ. Тогда же былъ написанъ мною цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыску полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. Всѣ онѣ были отданы ему, какъ многія сочиненія брата Николая, для напечатанія, и всѣ посвящены были брату Александру. Черновыя мы сохранять боялись отъ казаматскихъ обысковъ, и такъ всѣ они погрузились въ Лету. У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей, отданыя при отъездѣ на поселеніе Торсону; но онѣ уже потеряли цѣну современаго колорита.

Братъ Николай, уже значительно разбогатѣвшій инструментами всякаго рода, продолжалъ механическія занятія, и наконецъ многіе, а въ томъ числѣ и я, набивши оскомину отъ чтенія и письма, послѣдовали его примѣру. Въ моихъ бумагахъ сохранился внутренній видъ нашихъ казаматскихъ комнатъ. Въ одномъ изъ нихъ, именно брата Николая, можно, видѣть, какъ мы ухитрялись, чтобы воспользоваться малою толикою свѣтла, проникавшаго къ намъ черезъ скважину, которая у насъ называлась окномъ. Такіе подмостки устраивали всѣ, кому нуженъ былъ свѣтъ и кому дорого было зрѣніе. Подъ руководствомъ брата мы сдѣлались искусствными слесарями и золотыхъ дѣлъ мастерами, товарищами и литейщиками. Я поперемѣнно переходилъ отъ одного мастерства къ другому и изучилъ, подъ руководствомъ и другихъ товарищъ и даже простыхъ заводскихъ ма-

стеровъ, различныя мастерства, какъ-то: портняжное, сапожное, башмачное, кузнечное, слесарное, токарное, переплетное, картонаажное и золотыхъ дѣлъ мастерство. Мы дѣлали и посыпали сестрамъ и нашимъ дамамъ и дамамъ сибирскимъ разныя мишия вещицы. Особенно дѣлали много колецъ изъ нашихъ желѣзъ, подложенныхъ золотомъ. Эта мода въ Сибири такъ усилилась, требование на кольца такъ возрасло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли — подложными кольцами.

Наконецъ всѣ женатые выстроили дома, которыми была застроена цѣлая улица, названная по ихъ присутствію Дамскою. На сдѣланномъ мною тогда же рисункѣ этой улицы многоихъ домовъ неѣть, потому что они стояли въ другихъ улицахъ. Мужьямъ ихъ позволено было жить постоянно съ женами въ домахъ. Намъ еще болѣе стало просторнѣе; но казаматъ опустѣлъ: онъ принялъ характеръ настоящей тюрьмы и мы отвоили скучу, временно посѣщая женатыхъ.

Администрацію собственно нашего внутренняго управлениія составлялъ совѣтъ трехъ лицъ, ежегодно выбираемыхъ по всеобщему большинству голосовъ изъ среды живущихъ въ казаматѣ. Эти лица были: хозяинъ, закупщикъ и казначай. Первый завѣдавалъ всею хозяйственnoю частью нашего казаматскаго семейства: на его обязанности лежала главная забота о продовольствіи и столѣ; закупщикъ исполнялъ всѣ порученія по закупу предметовъ по лавкамъ и вообще въ казамата; казначай выдавалъ деньги и вель валовой и частный счетъ каждого лица. Но такъ какъ денегъ намъ не позволено было имѣть на рукахъ, то платежъ производился посредствомъ выписки черезъ казначея. Два раза въ недѣлю онъ составлялъ, вмѣстѣ съ горными казначеysкими писаремъ, валовой и розничный счетъ, и по этому счету всѣ лица получали деньги. Сношенія наши съ родными уже установились довольно правильно черезъ дамъ; большая часть изъ нась получала денежныя пособія, которыхъ почти всѣ поступали въ общую кассу и распредѣлялись поровну на всѣхъ. Хозяинъ, если обстоятельства позволяли, дѣлалъ экономію изъ годовой суммы, ассигнумой на пищу и прочее, и изъ этихъ остатковъ удѣляли довольно значительныя пособія отправляющимся на поселеніе. Изъуваженія къ постояннымъ

занятіямъ брата Николая, его избавляли во все время нашего пребыванія въ Петровскѣ отъ должностей; я былъ два года казначеемъ. Хозяинъ и закупщикъ имѣли право свободнаго выхода изъ казамата: хозяинъ — во всякое время, закупщикъ два раза въ недѣлю. Въ Читѣ, когда еще метла строгостей была нова, наше хозяйство шло очень худо: выходило много, а толку было мало. Когда выстроили кухню и отдѣлили мѣсто подъ огородъ, выбирался только хозяинъ и огородникъ. Намъ дозволено было впослѣдствіи получать и посылки; но нась безстыдно грабили иркутскіе чиновники, черезъ руки которыхъ переходили посылаемыя вещи. Такъ мы получили какое-то подобіе часовъ вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ, посланныхъ намъ послѣ смерти брата Александра. Такъ, напримѣръ, Алекс. Муравьевъ получилъ старую изношенную шапку вмѣсто бобровой. Бѣлье мы получали часто лазаретное; шляпки, головной и прочій дамскій уборъ — или замѣненный, или страшно поношенный. Но что хуже и этого,— такъ это—отдѣленіе отъ посылокъ части, такъ что остальная, болтаясь и трясясь въ опустѣлыхъ ящикахъ, доходила до нась въ верешкахъ или хлопкахъ. Участіи этой постоянно подвергалась посуда Трубецкихъ. А однажды мы съ братомъ присутствовали при курьезной сценѣ у Ивашева: когда откупоривалась давно ожидаемая ими посылка съ дамскими и дѣтскими кружевными уборами, лентами, оборками и проч., съ рѣдкими рисунками и видами—въ одномъ ящикѣ, по поводу чего и былъ приглашенъ братъ Николай, чтобы полюбоваться живописью и полакомиться крымскими яблоками, присыпаемыми въ особомъ ящикѣ,—нась удивило, что вмѣсто двухъ ящиковъ явился одинъ: укупорка была новая; когда вскрыли ящики, нась поразила какая-то безобразная масса, въ родѣ яблочного компота: ленточки, кружева, перчатки, клочки мятыхъ рисунковъ торчали въ беспорядкѣ изъ этой бурой кашки. Вы догадаетесь, какимъ процессомъ дошли до подобной комбинаціи: отполовинили изъ обоихъ ящиковъ и потомъ свалили все въ одинъ. Обычная оговорка, въ подобныхъ случаяхъ обозначаемая въ официальныхъ бумагахъ, прилагаемыхъ при посылкахъ, гласила тако: «разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просить взыскать и выслать слѣдующія деньги — столько-то».

Долгихъ и многихъ трудовъ стоило намъ уговорить стараго

коменданта — позволить учить дѣтей, и такимъ образомъ, дѣлая пользу занять и себя, и употребляя благодѣтельно время настъ тяготившее. Постоянное «не могу» было отвѣтомъ. Наконецъ дѣло уладилось: придумали законную лазейку, такъ чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Онъ согласился на обученіе дѣтей церковному пѣнію. Вслѣдствіе такого распоряженія, Сви-
стуновъ и Крюковъ (Николай), отличные музыканты и пѣвцы, составили прекрасный хоръ пѣвчихъ, а какъ нельзя пѣть, не зная грамоты, то разрѣшено учить читать (только). Мы съ братомъ взяли на себя обученіе, и дѣло пошло такъ хорошо, что многіе дѣти горныхъ чиновниковъ поступали первыми въ высшіе классы Горнаго института и другихъ заведеній.

Для работъ устроена была для насъ мельница съ ручными жерновами, на которой, ежели намъ было угодно, то мололи для молочна. Въ Читѣ насъ водили на земляную работу, — но это была только пріятная прогулка: мы выходили съ книгами въ рукахъ и располагались подъ тѣнью для чтенія. Охотники ровняли дорогу или на тачкахъ Чертову могилу.

Но — go away—go away: я боюсь истощить время и терпѣніе ваше.

Наступилъ 1840 годъ. Въ іюль прибылъ къ намъ адъютантъ генераль-губернатора Руперта, Яковъ И. Безносиковъ, — и весь первый разрядъ, болѣе нежели на 30-ти повозкахъ, тронулся изъ казамата, и въ поднятой копытами лошадей пыли исчезъ Петровскій заводъ.

Въ Хираузѣ, первой деревни отъ Петровска, весь разрядъ былъ раздѣленъ на небольшія партии. Мы отправились съ Н. Иван. Безносиковымъ, прекраснымъ молодымъ юношою, тогда поэтомъ, впослѣдствіи — прозаикомъ — золотоискателемъ, а теперь — управляющимъ пароходнымъ сообщеніемъ черезъ Байкалъ. Въ пятый день мы прибыли въ Чертовину деревню, на устьѣ Селенги, въ самый разгаръ лову омулей. Тутъ мы пробыли двѣ недѣли, пока наши товарищи отправлялись за море, къ Иркутску. Жили мы на одной квартире съ Безносиковымъ, потому что очень его полюбили, и тутъ братъ нарисовалъ его портретъ въ день очень замѣчательного по силѣ землетрясенія, а Безносиковъ посвятилъ намъ на прощанье премилое стихотворенье.

Салехтинскъ. 1860 г.

М. А. Вестужевъ.